

В цикле лекций «Цифровые технологии в гуманитарных и социальных науках» **Н. И. Руденко** и **А. Ю. Конгарева** (Санкт-Петербург) поделились опытом своего исследовательского проекта по изучению Эрмитажа как городского пространства Санкт-Петербурга в контексте применения цифровых технологий в гуманитарных и социальных науках. В первой лекции были представлены результаты обработки более 250 тыс. фотографий Instagram посетителей Эрмитажа при помощи цифровых методов культурной аналитики Льва Мановича, контент-анализа и работы с метаданными фотографий. Вторая лекция была посвящена большим данным и цифровым платформам в дискурсе социальных наук, выстраиванию методологии и онтологии цифровых исследований.

П. В. Колозариди (Москва) прочитала лекцию «Исследования Интернета: основные теоретические подходы», где познакомила слушателей с историей развития области интернет-исследований, с основными теоретическими направлениями, а также рассказала о популярных темах, конфликтах и конкуренции в этой исследовательской области. Параллельно проходил семинар **А. Р. Тузикова** (Казань) на тему «Глобализация и дискурс национальной безопасности». Ключевыми темами обсуждения стали тренды глобализации в отношении высшего образования; в частности, поднимались вопросы обеспечения национальной безопасности университетов, гуманитарного суверенитета, а также вызовы «плавающей» идентичности.

Семинар **Г. И. Саганенко** (Санкт-Петербург) «Потенциал рефлексивных социологических методов в осмыслении студентами своих жизненных перспектив и профессиональной самореализации» был посвящен системной технологии на основе открытых вопросов. Слушатели получили возможность ознакомиться с опросными методиками с использованием потенциала практико-ориентированной технологии исследований. На мастер-классе «Работа с массивами просопографической информации в среде R» **А. В. Куприянов** представил методику эксплораторного анализа на примере фрагментов просопографической базы данных университетских профессоров и преподавателей дореволюционной России. Задачей занятия было показать путь от исследовательских вопросов к написанию программного кода, и для этого слушателям предстояло написать скрипт в среде R для извлечения информации из массива данных и дальнейшей ее обработки и сравнительного анализа.

На закрытии Школы слушателям и участникам были вручены сертификаты, подтверждающие их вклад в работу сессии. Обратная связь показала, что новые форматы востребованы молодыми исследователями и интересны преподавателям Школы. Установилось несколько новых институциональных партнерств (например, НИУ ВШЭ в Москве и Московский технологический институт). В планах развития Школы — укрепление сотрудничества с заинтересованными исследователями и коллективами, расширение сети партнеров и более активное вовлечение молодых ученых в работу в качестве слушателей, где им будет предоставлена возможность представить свои проекты и получить комментарии опытных коллег.

S. A. Kugel International School for Sociology of Science and Technology: from Conference to Education

LILIA V. ZEMNUKHOVA

senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences;
deputy administrator of Samuel A. Kugel International School for Sociology of Science and Technology, St Petersburg Branch Institute for the History of Science and Technology of the RAS

РЕЦЕНЗИЯ

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ДУШИНА

кандидат философских наук,
руководитель Центра социолого-наукоедческих исследований
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

К генеалогии истории науки

Рецензия на книгу «Судьба проекта "Русская наука". 1916–2016 (К 100-летию комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы» /отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю. М. Батурин; ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.; М., 2016. 848с.

В сентябре 2016 г. вышла в свет книга «Судьба проекта “Русская наука”. 1916–2016 (К 100-летию комиссии по изданию сборника “Русская наука”): Статьи и документы», которая не могла не привлечь внимания социологов, историков, философов, науковедов. Замысел А. С. Лаппо-Данилевского — создать обобщающий труд по истории русской науки — спустя 100 лет в значительной мере нашел свое воплощение. Редакторам-составителям удалось реализовать главное — соединить в одно целое очерки, добытые в архивах и изданные отдельными брошюрами в далекое лихолетье, потому что только в таком виде «они получают свое истинное значение и свою полную цену и дают возможность сделать важные выводы общего характера» [Бенешевич, с. 148].

С профессионализмом высочайшего уровня проделана огромная работа — поисковая, архивная, аналитическая. Книга состоит из нескольких частей — первая, вводная, включает предисловие, описание замысла и опыта его реализации; во второй части размещены документы, проясняющие особенности деятельности Комиссии по изданию сборника; в третьей — собраны 17 очерков по истории русской науки, три из которых публикуются впервые. Кроме того, сборник оснащен хорошо организованным справочным материалом — необходимым атрибутом академического издания. Структура книги задана ее целью, которую редакторы-составители определяют достаточно

скромно — «воссоздать, насколько это возможно, сборник “Русская наука”, и проследить историю его создания» [с. 6], но воссозданное явно превосходит означенные рамки. Это объясняется тем, что судьба сборника неразрывно связана с конституированием истории науки как исследовательского направления, и эту связь авторам предисловия, В. М. Орлу и Г. И. Смагиной, удалось обстоятельно эксплицировать.

Редакторы-составители реконструируют социальный контекст, в котором «вызрела» идея «Русской науки», и отчетливо показывают, что он обусловлен Первой мировой войной. Карта глобальной науки «разломилась» по границам государств, образовав национальные академические системы, и «психология момента» [Вернадский, с. 18, 230] заключалась в смещении научного интереса с Германии на союзнические государства, прежде всего Англию. Редакторы-составители, впервые публикуя архивные документы [с. 138], демонстрируют, что этот интерес был взаимным. В. М. Орел и Г. И. Смагина воссоздают хронологию научных событий, вызванных сближением двух академических систем, уделяя внимание и созданию специальной Комиссии по развитию научных контактов между Россией и союзными странами, и «Русскому сезону в Кембридже», и решению Общего собрания Академии о формировании русских библиотек в английских университетах. Видное место в мозаике научных фактов авторы вводной части ожидаемо отводят сборнику «Русская наука», в котором ученые должны были представить «очерки развития в России разных научных дисциплин и современного их положения» [Ольденбург, с. 21, 157], исследовать фундамент знания, возникшего и развивавшегося в России на протяжении двух столетий.

В. М. Орел и Г. И. Смагина недвусмысленно дают понять, что Первая мировая война и реконфигурация исследовательских интересов являются катализатором, подтолкнувшим к изданию обобщающего труда по истории русской науки, но подлинные причины следует искать в зрелости и самостоятельности исследовательской мысли русских ученых, в готовности подвергнуть рефлексии пройденный путь научного развития. Именно это обстоятельство проливает свет на тот факт, что деятельность комиссии по изданию сборника «Русская наука» переросла в нечто большее — в институционально оформившиеся историко-научные исследования. Редакторы-составители предельно ясно проводят ту простую мысль, к сожалению, так мало актуализированную в современной научной политике, что наука не есть эпифеномен, который можно легко импортировать из чужой академической среды, но является итогом «громкой работы длинного ряда поколений... за великое дело просвещения» [Ольденбург, с. 41, 176].

В книге читатель найдет методически последовательное и выверенное, подкрепленное архивными материалами, описание деятельности Подкомиссии (Комиссии) по изданию сборника «Русская наука» и Комиссии по истории знаний (КИЗ). Здесь внимание редакторов-составителей центрируется на двух знаковых фигурах — столпах российской истории науки — А. С. Лаппо-Данилевском и В. И. Вернадском. Будучи идейным вдохновителем сборника «Русская наука» и председателем Подкомиссии по его изданию, А. С. Лаппо-Данилевский проявлял значительный интерес к истории науки. Уже из названий его работ, перечисленных В. М. Орлом и Г. И. Смагиной во вводной части, очевидно, что русского ученого занимала не только историография, но и теоретические основания, концептуализации исторического развития, и это в полной мере подтверждается документальными материалами [с. 163—166]. В духе гегельянства А. С. Лаппо-Данилевский полагает, что наука в своем абсолютном значении не имеет никакой истории, «она есть вечно единое

знание истины, которое покоится в самом себе и только логически раскрывается в системе научного мышления» [с. 163]. Но это знание исполняется в исторической действительности, «в данных условиях пространства и времени», и обнаруживается в самостоятельности, «в независимости от чужих образцов», а также в постановке исследовательских задач и способов их решения, обусловленных локальной культурной, политической традицией. Через свой главный принцип единства научного знания А. С. Лаппо-Данилевский пропускает и развитие научной мысли в России.

Как убедительно показывают редакторы-составители, еще один решительный шаг в сторону легитимации историко-научных штудий в качестве самостоятельного направления был сделан В. И. Вернадским, инициировавшим организацию Комиссии по изучению истории науки, философии и техники, в программную работу которой вошло издание сборника «Русская наука». Необходимость создания такого рода институции В. И. Вернадский обосновывает не только исключительным значением истории науки для постижения истины, но и ее ролью «в оценке современного знания и техники», в понимании «преемственности научного творчества и непрерывности научной работы» [с. 49—50]. Нельзя не отметить тщательность подобранных текстов, позволяющих реконструировать каркас науковедческих воззрений первого председателя КИЗ [с. 225—234], среди которых особенно значимы два положения, развернутые на страницах «Русской науки». Во-первых, наука переплетена с культурой, «духовным творчеством и отделима от него только в отвлеченном представлении», во-вторых, «история науки XVIII — XX веков не может быть познана и изложена без истории русской науки», т.е. русская наука является частью мировой. Редакторы-составители продемонстрировали в книге «Судьба проекта “Русская наука”», по сути, генеалогию истории науки как исследовательского направления, и, следовательно, генеалогию Института истории науки и техники (ИИИТ АН СССР, впоследствии — ИИЕТ РАН).

В реализацию задуманного век назад дела вмешались социальные катастрофы — революция и войны, обернувшиеся невосполнимыми потерями, неполнотой исполнения первоначального замысла, но, как писал С. Ф. Ольденбург, «никакие даже самые тяжелые потрясения, подобные настоящей мировой войне, не могут и не должны остановить Академию на пути к научному творчеству» [с. 155—156]. Запоздавший на 100 лет, этот сборник оказался очень современным и, как ни странно, своевременным. Исторические очерки, в которых видными отечественными учеными (Л. С. Берг, А. А. Белопольский, Э. Л. Радлов, П. П. Лазарев, Б. А. Тураев и др.) превосходным русским языком излагается двухсотлетнее развитие в России различных научных дисциплин, представляют ценность сами по себе. Наука без истории подобна человеку, потерявшему память. Но дело не только в этом. В опубликованных документах и очерках обсуждаются вопросы, связанные с организацией научных исследований, стоящие сегодня, спустя столетие, в центре государственной научной политики.

Рефреном звучит тема активизации научных контактов с союзными странами, или, как бы сказали сегодня, «интеграции в мировую науку». В. М. Орел и Г. И. Смагина предоставляют читателю хорошую возможность познакомиться с набором мер, устраняющих замкнутость русской науки, предлагаемых известными учеными того времени, цветом русской науки. В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на впервые публикуемые очерки и документы. Так, П. Вальден, химик-технолог, академик АН с 1910 г., фиксирует тот «обидный факт», что в зарубежных справочных изданиях о русских ученых весьма скудные данные, а о научной периодике и вообще отсутствуют, и заключает о необходимости «информационной работы в одном

из учреждений Академии наук» по снабжению подобных зарубежных справочников точными материалами. Это обстоятельство, по мнению Вальдена, будет способствовать «престижу русской науки и русских ученых сил» [с. 140], как и сформулированная им «программа» академической мобильности, когда известные русские ученые командированы за рубеж для чтения лекций; ассистенты, лаборанты, приват-доценты направляются за границу для ознакомления и изучения методов преподавания, организации лабораторной жизни; университетские стипендиаты посылаются к иностранным специалистам для производства научных исследований [с. 139].

На исключительное значение зарубежных командировок для молодых исследователей указывает историк Н. И. Кареев. Появление зрелых работ по новой истории зарубежных стран он связывает не только с либеральной университетской реформой Александра II, но и с облегчением выезда за рубеж с научными целями. Однако изданные на русском языке труды русских историков оказывались малоизвестны там, где могли быть особенно интересны [с. 689]. В этой связи авторы сборника подчеркивают необходимость интенсивной переводческой работы, как на русский, так и с русского языка. Впрочем, переводы не заставили себя долго ждать, французские историки заговорили о существовании исторической «русской школы» [с. 699] — свидетельство международного академического признания.

Понятие «научной школы» не раз встречается в очерках «Русская наука». Физик П. П. Лазарев, академик АН с 1917 г., пишет о существовании «блестящей петербургской физико-математической школы» [с. 487]. Авторы очерков в той или иной мере касаются причин, способствующих рождению научных школ. Наличие научного лидера — важный момент, но не исчерпывающий. Как замечает математик, проф. А. В. Васильев, «такой учитель и ученый, как он [Л. Эйлер], в другое время и в другой стране должен был оставить после себя многочисленную школу. Россия XVIII века была, конечно, неблагоприятною почвою» [с. 400]. П. П. Лазарев соотносит достаточно позднее появление русской экспериментальной физической школы с неблагоприятными условиями исследовательской работы, прежде всего с плохой оснащенностью лабораторий. Учреждение физических институтов при университетах в конце XIX в. меняет только отчасти положение дел: их сотрудники были слишком перегружены учебной работой и не могли заниматься исследованиями в течение года. Экспериментальная физическая школа стала складываться тогда, когда появились физические институты, «где ученые, стоящие во главе учреждений, были совершенно избавлены от педагогической работы, и единственной их обязанностью являлось ведение собственных научных работ и руководство исследованиями начинающих ученых» [с. 488]. Таким образом, исследовательским школам способствует сцепление определенных факторов: научный лидер, подготовленные ученики, стандартно оборудованные лаборатории.

Очевидно, что очерки, задуманные 100 лет назад и соединенные в одно целое редакторами-составителями, имеют не только исторический интерес. Они содержат актуальные ответы на вопросы об эффективности университетов и академических институтов, об условиях продуктивного научного трансфера, о результативности интернационального сотрудничества, составляющие повестку дня современной научной политики. Это обстоятельство — удивительное созвучие нашему времени — делает книгу «Судьба проекта “Русская наука”. 1916–1920» невероятно современной, и хочется надеяться, что она будет востребована не только учеными, но и политиками, от которых зависит принятие решений о научном развитии страны.

IN MEMORIAM

Югослав Райкович

Год назад, 15 января 2016 г. ушел из жизни наш друг — Югослав Райкович.

О некоторых значимых эпизодах из жизни Югослава Райковича важно сказать, чтобы понять личность этого очень интересного, замечательного человека. Уже во время Второй мировой войны Югослав — мальчик, которому только что пошел десятый год жизни, стал партизанским разведчиком-наблюдателем. Он жил со своей семьей на юге Сербии, которая находилась под болгарской оккупацией. Его задача состояла в том, чтобы наблюдать за болгарскими оккупационными войсками, следить за движением в болгарском военном лагере. Возможно, эта ранняя деятельность оказала решающее влияние на его с юности «левую» политическую ориентацию. К тому же и его мать была коммунистом с довоенных времен. У него сформировалось представление о жизни, в котором социальная справедливость играет важную роль. Когда он стал взрослым человеком, у которого был доход, Югослав свои ранние социальные взгляды превратил в конкретные действия филантропа, помогавшего тем, кто попал в беду, а он мог им помочь. Это он делал и личной активностью и за счет собственных материальных средств, помогая социально незащищенным людям бороться за свое «место под солнцем».